

Журнал «Мировые цивилизации» / Scientific journal «World civilizations» <https://wcj.world>

2025, Том 10, № 3 / 2025, Vol 10, Issue 3 <https://wcj.world/issue-3-2025.html>

URL статьи: <https://wcj.world/PDF/04IAMZ325.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Шелякин А. А. Образ маршала К. Г. Маннергейма в политике памяти Финляндии и России: сравнительный анализ / А. А. Шелякин // Мировые цивилизации. — 2025. — Т. 10. — № 3. — URL: <https://wcj.world/PDF/04IAMZ325.pdf>

For citation:

Shekyakin A. A. The Image of Marshal K. G. Mannerheim in the Politics of Finnish and Russian Memory: comparative analysis. 2025, 10(3): 04IAMZ325. Available at: <https://wcj.world/PDF/04IAMZ325.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

УДК 32

Шелякин Алексей Азизович

студент магистратуры, кафедры государственного управления и политических технологий
ФГБОУ «Государственный университет управления», Москва
E-mail: shelyakin_alexey@mail.ru

Образ маршала К. Г. Маннергейма в политике памяти Финляндии и России: сравнительный анализ

Аннотация. статья посвящена образу маршала К. Г. Маннергейма в политике памяти Финляндии и России. В качестве методологической основы исследования используется концепция «мест памяти» П. Нора, согласно которой историческая память конструируется и закрепляется через материальные и символические формы, включая памятники, музеи и государственные ритуалы. В основной части рассматриваются различные формы увековечивания памяти К. Г. Маннергейма, включая памятники, мемориальные доски и государственные церемонии, а также сопротивление этим инициативам со стороны разных общественных групп. Также анализируется восприятие К. Г. Маннергейма в обеих странах: в Финляндии фигура маршала, несмотря на героический миф и сакрализацию на государственном уровне, вызывает споры среди левой и прогрессивной общественности, а также родственников погибших в годы Гражданской войны в Финляндии 1918 г.; в России отношение к роли К.Г. Маннергейма напрямую восходит к традициям советской политики памяти, которые сохраняются по сей день. Особое внимание уделяется роли гражданских инициатив в противодействии мемориализации К. Г. Маннергейма, а также альтернативным формам памяти, таким как памятники жертвам финской оккупации в России. Современные тенденции в мемориальной практике обеих стран свидетельствуют о появлении акторов контрпамяти. В России, в силу историко-географической специфики, усиливается региональный аспект политики памяти, что выражается в расширении нарратива за пределы военных побед и в акценте на проработке «трудного прошлого», связанном с оккупацией и ее последствиями.

Ключевые слова: политика памяти; Маннергейм; Финляндия; Россия; историческая политика; мемориализация

Актуальность исследования

Обращение к прошлому в формирующемся полицентричном мире является основным драйвером формирования и укрепления национальной идентичности и политики памяти. В России одной из центральных тем остается Победа в Великой Отечественной войне, а

приближающееся 80-летие этого события усиливает обсуждения его значения. В контексте мемориализации памяти неизбежно поднимается вопрос о роли различных исторических фигур того времени, среди которых особое место занимает Карл Густав Маннергейм. Интерес к фигуре К. Г. Маннергейма в российском обществе, несмотря на сложную историческую память о нем, сохраняется до сих пор – маршал занимает второе место среди самых известных финнов в России. Его имя назвали 12% респондентов, уступив только известно финскому киноактеру и телеведущему В. Хаапасало (19%) [8].

К. Г. Маннергейм остается спорной фигурой в российском историческом сознании. Попытки мемориализации К. Г. Маннергейма в постсоветский период вызывали острую реакцию в обществе вплоть до актов вандализма. В Финляндии, напротив, К. Г. Маннергейм на государственном уровне занимает центральное место в национальном пантеоне героев и рассматривается как гарант независимости страны и символ национального единства, но и там не всё так однозначно, как может показаться, поэтому сравнительный анализ образа маршала К. Г. Маннергейма в России и Финляндии позволит понять механизмы конструирования политики памяти и ее влияние на политические процессы двух стран.

Методология

По мнению российских исследователей политика памяти или историческая политика представляет собой процесс формирования и использования коллективных представлений о прошлом в политических целях. Политика памяти включает в себя как государственные инициативы, так и деятельность других акторов, которые стремятся закрепить определенные исторические нарративы через культурные, образовательные и правовые механизмы [19, с. 192–204].

В свою очередь, исследователь Д. А. Аникин, говоря о политике памяти, характеризует ее как целенаправленную деятельность по формированию образа прошлого, востребованного в актуальном политическом контексте через различные вербальные и визуальные практики. Она остается эффективным инструментом легитимации, обосновывая современные ценности и политические ориентиры ссылками на преемственность исторической традиции даже в условиях глобализации [1].

За основу методологического подхода рассмотрения образа К. Г. Маннергейма через различные коммеморативные практики в архитектуре памяти двух стран был взят подход П. Нора, изложенный в его работе «Места памяти». Согласно этому подходу, память не существует в чистом виде, а закрепляется в материальных и символических формах, таких как памятники, музеи, названия улиц и государственные ритуалы. Эти места памяти формируются в результате осознанного конструирования прошлого, отражая преобладающие в обществе нарративы и политические интересы [16, с. 21–27].

Образ К. Г. Маннергейма в политике памяти в Финляндии

После окончания Второй мировой войны память о К. Г. Маннергейме долгое время оставалась в тени. Даже пик интереса к нему в 1970-х гг., связанный с выходом фильмов, не привел к общественному признанию его роли. После дипломатического скандала вокруг сериала «Люди войны и мира» (1978) к этой теме предпочли не возвращаться. Причиной во многом послужила политика нейтралитета «линии Паасикиви – Кекконена», направленная на сотрудничество не только с Западом, но и с СССР. Для поддержания стабильных отношений необходимо было отойти от памяти о борьбе Финляндии с коммунистами и войнах против Советского Союза, символом которых являлся К. Г. Маннергейм. Уже в 1980-х отдельные общества, сохранявшие его наследие, заявляли, что власти намеренно «забывают» собственное прошлое. Однако этому способствовало и негативное отношение к К. Г.

Маннергейму со стороны левого движения, пострадавших и их родственников, сохранившееся со времен Гражданской войны 1918 г., репрессии, включая концлагеря в Таммисаари, расстрелы в Лапландии и запрет на установку памятников «красным» вплоть до 1930-х гг. До 1990-х гг. образ К. Г. Маннергейма существовал преимущественно в академических кругах. В народной памяти он оставался для одних «белым генералом», символом победы в гражданской войне, а для других – «мясником» (фин. Lahtari) из Тампере, ответственным за жестокие расправы над «красными» [21].

После распада СССР в Финляндии возрос интерес к событиям начала XX в. и фигуре К. Г. Маннергейма, вызванных националистической волной. Как отмечают исследователи, одним из ключевых моментов общественной дискуссии стало строительство Музея современного искусства в Хельсинки, который должен был располагаться рядом с конной статуей К. Г. Маннергейма. Консервативные круги выступили против такого соседства, считая его неподобающим, тогда как сторонники проекта использовали образ маршала как защитника не только государства, но и образования. Власти, включая президента социал-демократа М. Ахтисаари, избегали вмешательства в этот спор. В итоге музей был построен, а сам конфликт стал последним значительным общественным спором, связанным с фигурой К. Г. Маннергейма. Финская политика памяти приобрела примирительный характер, признавая равную значимость памяти как о «белых», так и о «красных» финнах [21].

Финский историк Т. Тепора отмечает, что защита образа К. Г. Маннергейма со всеми его недостатками вместе с Музеем современного искусства в Хельсинки использовала его как символ финской нации, противопоставляя этому ощущение «безродности и потери исторической опоры» после краха СССР, в котором многие видели исторического врага. При этом как консерваторы, так и сторонники прогрессивных ценностей обращались к фигуре маршала, но с разными целями: одни видели в нем защитника национальной идентичности, другие – способ освободиться от сдерживающих традиций. Это отражало более широкий неопатриотический поиск ориентиров в финском обществе того времени [34, с. 349–372]. Можно сказать, что после гражданской войны финские левые, за исключением части социал-демократов, воспринимали национальные символы как атрибуты победившей стороны и не ассоциировали их с собственной идентичностью. Однако в результате «линии Паасикиви – Кекконена», направленной на стабилизацию внутренней политики и баланс между Западом и СССР, к 1990-м гг., с окончательным преодолением внутреннего раскола, финскость стала восприниматься ими как общая и неотъемлемая часть национального самосознания. Это позволило левым, в том числе, испытывать национальную гордость, даже в отношении символов, связанных с К. Г. Маннергеймом [35].

Празднование 4 июня, которое отмечается как День флага Финляндии, напрямую связано с именем маршала. В 1942 г., в день его 75-летия, К. Г. Маннергейм был удостоен титула маршала Финляндии, и с тех пор эта дата приобрела государственное значение. Сегодня 4 июня не только символизирует военную доблесть страны, но и укрепляет официальный миф К. Г. Маннергейма. В этот день проходят торжественные мероприятия, военные парады, возложения венков к его памятникам. Образ маршала активно используется в риторике национального единства, а его вклад в финскую государственность преподносится как пример стратегического лидерства, суверенитета и финской идентичности [23]. Кроме того, ежегодно 6 декабря, в День независимости Финляндии, глава государства возлагает венок на могилу К. Г. Маннергейма [27].

На сегодняшний день одним из главных мемориальных объектов, связанных с К. Г. Маннергеймом, является Музей Маннергейма, расположенный в его бывшем доме в Хельсинки. В этом музее представлены личные вещи, фотографии, документы и архивные

материалы, рассказывающие о его жизни и карьере. Экспозиция отражает разные периоды его жизни: службу в русской армии, руководство Финляндией, военные кампании, а также его личные интересы, такие как коневодство и путешествия [15]. К. Г. Маннергейм остается одной из немногих исторических фигур, чья память увековечена сразу в нескольких городах Финляндии. Конная статуя маршала в Хельсинки, установленная в 1960 г., является одной из самых узнаваемых достопримечательностей столицы. Статуя К. Г. Маннергейма в Хельсинки символически отсылает к его роли в Гражданской войне 1918 г., поскольку установлена на месте, где он в мае того же года торжественно вошел в столицу во главе победоносных белых войск [24]. Конные статуи маршала также находятся в Лахти, Миккели, Сейняйоки, Турку и Тампере.

Со времени преодоления раскола 1990-х гг. прошло достаточно времени, и на передний план вышли негосударственные акторы, преимущественно прогрессивного левого толка, которые, возвращаясь к прошлому, стремятся переосмыслить роль К. Г. Маннергейма в истории Финляндии. В этом контексте ученые высказывают разные точки зрения. Одни считают, что возражения против памятника маршалу в Хельсинки свидетельствуют о политизированности городской памяти, поскольку в Финляндии значительно больше монументов, посвященных победе белых, чем памяти красных [36]. Другие видят в этом проявление межпоколенческой напряженности, связанной с различными интерпретациями прошлого [33].

Конная статуя К. Г. Маннергейма в Хельсинки, установленная в 1960 г., которая воспринимается как общенациональный символ, со временем стала критиковаться, по большей части, со стороны немногочисленных левых активистов [7]. В Тампере, где К. Г. Маннергейм командовал белофиннами во время сражения за город в 1918 г., его памятник, возведенный в 1956 г., вызвал резкую реакцию со стороны левой общественности. В результате монумент был перенесен из центра в другой район на неприметное место, однако даже после переноса он неоднократно подвергался актам вандализма. Подобное отношение неудивительно, поскольку Тампере, известный своими левым наследием, стал местом массовых репрессий против «красных» после их поражения в сражении за город и в Гражданской войне в 1918 г. К. Г. Маннергейм, сыгравший ключевую роль в подавлении сопротивления, получил среди противников из этих краев прозвище «мясник» (фин. Lahtari), которое среди левых активистов и родственников пострадавших от его действий используется до сих пор [7]. В Сейняйоки и Лахти памятники маршалу воспринимается прежде всего как символ военной доблести и национального единства, для другой части – остается олицетворением внутренних конфликтов в финской истории из старой малочисленной консервативной шведской элиты [28].

Для сторонников левых идей и семей, пострадавших от действий К. Г. Маннергейма, его фигура остается источником «исторической травмы». Этот процесс отражает влияние прошлого, когда пережитые события или память о них через поколения находят болезненное отражение в общественной памяти настоящего [19, с. 137–140]. Помимо Тампере примером также может служить ситуация в Миккели, где обсуждение установки памятника К. Г. Маннергейму в 1950–1960-х гг. столкнулось с сопротивлением социал-демократов и коммунистов. Первоначально предложенный для центральной площади города, монумент вызвал разногласия, и в итоге его решили разместить в парке, на менее заметном месте [36]. Несмотря на все споры и противоречия сейчас в городе Миккели память о маршале К. Г. Маннергейме сохраняется и укрепляется. Во время Второй мировой войны Миккели служил штаб-квартирой финской армии под руководством К. Г. Маннергейма. Сегодня в городе действует несколько объектов, посвященных его наследию. Музей штаба (фин. Räämäjamuseo), расположенный в бывшем здании средней школы, где во время войны

находился штаб, предлагает экспозиции, посвященные военной истории Финляндии и роли К. Г. Маннергейма в ней. На железнодорожной станции Миккели находится личный железнодорожный вагон К. Г. Маннергейма, который он использовал в качестве передвижного командного пункта. Вагон доступен для осмотра, и внутри сохранена обстановка времен войны. В городе регулярно проводятся мероприятия, посвященные памяти К. Г. Маннергейма, включая выставки, лекции и церемонии [30].

Помимо памятных монет и памятников, К. Г. Маннергейму посвящены регулярные научные мероприятия, выставки и конференции, организуемые как в Финляндии, так и за ее пределами при посредничестве финского посольства и финских организаций памяти [25]. Фонд наследия маршала Финляндии К. Г. Маннергейма, основанный в 1973 г., занимается сохранением его памяти, поддержкой исследований военной истории и повышением уровня военной подготовки. Он организует ежегодные мероприятия, лекции, публикует работы по истории Финляндии и К. Г. Маннергейму [32]. Важной частью наследия К. Г. Маннергейма является Лига Маннергейма по защите детей (MLL), основанная при его участии, которая до сих пор занимается защитой прав детей, благотворительными программами и социальной поддержкой [26].

Личность К. Г. Маннергейма неоднократно становилась темой множества кинематографических проектов, которые стали массово выпускать в 1970-е гг. Первым художественным фильмом о К. Г. Маннергейме стал «Паямаа» (фин. «Päämaja») (1970), снятый режиссером М. Кассилой по одноименной пьесе И. Турья. В этой ленте роль К. Г. Маннергейма исполнил актер Й. Ринне, ранее игравший эту роль на сцене Национального театра. В картине рассматриваются ключевые моменты жизни маршала. Также в это время вышло: «Моя бабушка и Маннергейм» (фин. «Mummoni ja Mannerheim») (1971), «Люди войны и мира» (фин. «Sodan ja rauhan miehet») (1978). В последствии пик картин пришелся на 2000-е–2010-е гг.: «Схватка в августе 1940-ого» (фин. Valtapeliä elokuussa 1940») (2002), «На передовой» (фин. «Etulinjan edessä») (2004) «Президент» (фин. «Presidentit») (2005), «Тали-Ихантаала 1944» (фин. «Tali-Ihantala 1944») (2007). Самым скандальным кинематографическим проектом о личности маршала К. Г. Маннергейма стал фильм «Маршал Финляндии» (фин. «Suomen Marsalkka») (2012), в котором роль К. Г. Маннергейма исполнил кенийский актер Т. С. Отиено. Фильм вызвал широкий общественный резонанс по поводу изображения достоверности исторических фигур в фильмах. Помимо этого, есть документалистика о К. Г. Маннергейме [29].

Одним из наиболее заметных примеров увековечения памяти К. Г. Маннергейма является проспект Маннергейма (фин. Mannerheimintie) – главная улица Хельсинки, названная в его честь. Исторически этот проспект был частью дороги, ведущей на запад к Турку, и в разные периоды носил разные названия. Современное название Mannerheimintie было официально присвоено 4 июня 1942 г., в день 75-летнего юбилея маршала К. Г. Маннергейма. Проспект Маннергейма является центральной магистралью Хельсинки, соединяющей ключевые районы города и ведущей к важнейшим архитектурным и культурным объектам [31, с. 57].

Финский историк Х. Мейнандер подчеркивает, что со временем образ К. Г. Маннергейма претерпел значительные изменения. Его восприятие стало менее однозначным: с одной стороны, реальная историческая личность все больше отдаляется от общественного сознания, уступая место упрощенным и символическим интерпретациям, с другой – вокруг него формируется **мифологизированный образ**, который продолжает оказывать влияние на финскую политику памяти [12, с. 301]. Этот процесс мифологизации объясняется тем, что К. Г. Маннергейм остается центральной фигурой национального нарратива, и различные

политические силы стремятся адаптировать его наследие под свои взгляды. Во-вторых, смена поколений приводит к тому, что его образ уже не воспринимается через призму личных воспоминаний современников, а становится элементом культурного наследия и поколения «постпамяти», в котором акцент делается на символических аспектах его деятельности.

Образ К. Г. Маннергейма в политике памяти России

В советской политике памяти фигура К. Г. Маннергейма долгое время оставалась вне публичного дискурса, так как не вписывалась в официальные нарративы о Великой Отечественной войне. До 1960-х гг. его имя практически не упоминалось, а советская историография акцентировала внимание не на самом маршале, а на «линии Маннергейма», представляя ее как главный символ сопротивления финнов, который был сокрушен Красной армией. Начиная с 1960-х гг., К. Г. Маннергейма в официальных текстах стали описывать исключительно как врага СССР, подчеркивая его враждебность, а причиной выхода Финляндии из Второй мировой войны на стороне Германии называли поражение ее армии и прорыв укреплений. В то же время мемуары советских военачальников также обходили стороной личность маршала и активно героизировали советских солдат, сражавшихся на Карельском перешейке. Тем не менее, среди интеллигенции появлялись альтернативные версии жизни маршала, в которых его образ оценивался более подробно, включая упоминания о его отказе выдавать евреев нацистам. Однако такие мнения оставались маргинальными и не становились частью массовой исторической памяти [11].

Нынешняя политика памяти в отношении маршала К. Г. Маннергейма в России базируется на советском опыте, поскольку попытки Б. Н. Ельцина в 1990-е гг. пересмотреть исторические нарративы в целом, заимствуя западные модели, не привели к их принятию обществом. Как отмечают исследователи, они оказались дискредитированы в глазах большинства. Новые точки опоры и дистанцирование от советского наследия, включая переосмысление многих памятных дат и исторических событий, восходящих к советским временам, не увенчались успехом [18, с. 101]. В результате советская модель памяти, закрепившаяся в XX в., продолжает оказывать влияние на сегодняшнее восприятие личности К. Г. Маннергейма.

С 2020-х гг. в российской политике памяти усиливается региональный аспект, в частности акцентируется внимание на региональной истории Ленинградской области. В 2021 г. РВИО инициировало создание мемориала жертвам оккупации, а в 2022 г. прокуратура потребовала признания геноцидом преступлений финских и немецких оккупационных властей. Во многом, это свидетельствует о перекалибровке политики памяти, в которой «линия Маннергейма» остается важным элементом, но теперь – в контексте не только советского военного подвига, но и жертв оккупации [17, с. 131-132]. А не так давно в Карелии «преступления финских оккупантов были официально признаны геноцидом советского народа». В августе 2024 г. суд установил, что во время финской оккупации 1941–1944 гг. на территории Карелии действовали концлагеря, где содержались тысячи мирных жителей, а массовые убийства и репрессии проводились по национальному признаку [6]. Судебное решение стало продолжением тенденции к закреплению памяти об оккупационных преступлениях и расширению официального исторического нарратива.

Одним из ключевых мемориалов, отражающих восприятие событий Советско-финской войны 1939–1940 гг. и последующей оккупации, стал «Крест Скорби», открытый в 2000 г. у Долины Героев – места массовых захоронений советских солдат, погибших в Зимней войне. Памятник, представляющий две женские фигуры, символизирует русскую и финскую матерей, потерявших своих сыновей в войне. Его установка стала частью политики примирения между Россией и Финляндией [14]. В целом в Карелии ведется активная работа

по увековечиванию памяти советских жертв финской оккупации, что также проявляется в создании мемориальных знаков. Союз малолетних узников финских концлагерей и Совет ветеранов Карелии сыграли значительную роль в формировании общественного запроса на сохранение наследия советской архитектуры памяти. Организации активно выступали против любых попыток увековечить К. Г. Маннергейма в Карелии, считая его ответственным за политику оккупационного режима, депортацию и гибель мирных жителей. В 2005 и 2011 гг. в Петрозаводске были установлены памятные знаки на местах бывших концлагерей, где содержались тысячи советских граждан. Мемориальные инициативы акцентируют свое внимание на трагическом опыте насильственной финнизации и этнической политики, проводимой финскими властями в оккупированных районах [2].

В 2017 г. в Петрозаводске на городском кладбище в Песках был открыт мемориал узникам концлагерей, расположенных в городе в 1941–1944 гг. В этих лагерях содержалось около 20 тысяч человек, преимущественно женщины, старики и дети, из которых около 7 тысяч погибло из-за голода, тяжелых условий труда и насилия. Мемориал представляет собой полусферу из гранитных глыб, символизирующую расколотые судьбы жертв, с выгравированными списками 3,5 тысяч погибших. Венчает памятник терновый венок с фигурой Богородицы, подчеркивающий трагический характер происходившего [13]. Процесс мемориализации жертв финской оккупации продолжается до сих пор [4]. На данный момент можно говорить, что мемориализация развивается в сторону расширения исторического нарратива в рамках усиления региональной парадигмы, где главной особенностью теперь является попытка проработки «трудного прошлого».

На государственном уровне президент В. В. Путин и президент Д. А. Медведев в 2001 г. и 2009 г. соответственно, а также, в то время, министр обороны, С. К. Шойгу в 2013 г., возлагали цветы на могилу К. Г. Маннергейма. В свое время устанавливались памятники примирению, например «Крест скорби» в Карелии. Также имел место случай в июне 2016 г. в Санкт-Петербурге, когда была открыта памятная доска К. Г. Маннергейму, инициированная РВИО в рамках программы примирения героев Первой мировой войны. Инициатива изначально исходила от известного писателя Д. А. Гранина, еще начиная с 2009 г., когда в Санкт-Петербурге обсуждали необходимость мемориальной доски маршалу. Однако установка вызвала общественные протесты левых и патриотических сил, поскольку К. Г. Маннергейм, командовавший финскими войсками во время Великой Отечественной войны, воспринимается ими как соучастник блокады Ленинграда. Доска неоднократно подвергалась актам вандализма и спустя три месяца была демонтирована и перенесена в музей Первой мировой войны в Царское Село [10, с. 100-101].

В академической среде продолжают дискуссии о К. Г. Маннергейме, а выставки, научные семинары и новые книги отражают широкий интерес к его личности [22]. Обсуждение роли К. Г. Маннергейма в Великой Отечественной войне активизировалось, особенно в рамках исторических проектов, таких как «Цифровая история». Историки опровергают миф о том, что К. Г. Маннергейм якобы спас Ленинград, подчеркивая, что Финляндия, как союзник нацистской Германии, участвовала в блокаде, затрудняя поставки продовольствия. Оккупация Карелии рассматривалась финскими властями как шаг к созданию «Великой Финляндии» – с ассимиляцией карелов и вепсов, дискриминацией русского населения и переименованием географических объектов. По мнению историков, это сопровождалось массовыми репрессиями и созданием концлагерей, где заключенные гибли от голода и болезней [20].

В рамках 80-летия начала блокады Ленинграда состоялась дискуссия историков и политологов о роли К. Г. Маннергейма в этих событиях. Центральным мероприятием стала

конференция Института внешнеполитических исследований и инициатив (ИНВИССИН), где были представлены архивные материалы и новые исследования о финской оккупации и участии Финляндии в блокаде. Обсуждение показало, что исторический образ К. Г. Маннергейма остается предметом идеологических споров: либеральные круги ставят под вопрос необходимость обороны Ленинграда, тогда как консерваторы пытаются его реабилитировать, представляя едва ли не спасителем города. Историк В. Н. Барышников и политолог В. Ю. Крашенинникова подчеркнули, что, несмотря на враждебную политику Маннергейма по отношению к СССР, в 1944 г. он был вынужден включить коммунистов в финское правительство и даже отправить И. В. Сталину поздравление с годовщиной Октябрьской революции. Позднее, перед окончательным уходом из политики, Маннергейм предложил СССР договор о взаимопомощи, что соответствовало советским требованиям еще с конца 1930-х гг. [9].

Ключевым событием конференции стала презентация книги В. Н. Барышникова «Маннергейм и Советский Союз», представляющей комплексное исследование взаимоотношений Маннергейма с СССР. Автор рассматривает его антисоветскую политику, сотрудничество с кайзеровской и нацистской Германией, а также планы создания «Великой Финляндии» за счет советских территорий. Барышников также объясняет, почему после войны Маннергейм избежал судебного преследования, в отличие от других финских лидеров, поддержавших Третий рейх [3].

В 2023 г. в Карелии вышла книга «Мы еще живы», в которую вошли воспоминания бывших малолетних узников финских концлагерей. Автор-составитель К. А. Нюппиева, сама пережившая оккупацию, долгие годы возглавляла Карельский союз бывших малолетних узников фашистских лагерей. Книга повествует о трагических судьбах семей Карелии и Ленинградской области, подвергшихся насильственному переселению, о жестокости финских оккупантов, а также о взаимопомощи среди узников. Издание стало частью масштабной работы по сохранению памяти о финской оккупации, поддержанной на конкурсе «Гранты Главы Карелии» [5].

Заключение

Образ К. Г. Маннергейма продолжает оставаться предметом исторических споров как в Финляндии, так и в России. В Финляндии, несмотря на то, что политика памяти носит примирительный характер, на государственном уровне маршал почитается как национальный герой, символизирующий борьбу за независимость, однако его роль в Гражданской войне 1918 г. и сотрудничество с нацистской Германией в годы Второй мировой вызывают критику со стороны левых активистов и потомков, чьи родственники пострадали от его действий в годы Гражданской войны 1918 г.

В отдельных городах, например в Тампере, где К. Г. Маннергейма называют «мясником» (фин. Lahtari), его памятники вызвали акты вандализма. При этом отношение к Маннергейму в разных регионах Финляндии остается двойственным. В Хельсинки и Миккели также возникали протесты против его мемориализации, однако они не привели к таким радикальным проявлениям, как в Тампере. В других городах, таких как Сейняйоки и Лахти, его фигура воспринимается более благосклонно – от сдержанного признания его исторической значимости со всеми изъясными и временем тех лет до почитания как национального героя. Тем не менее, в целом в финском обществе преобладает положительное отношение к К. Г. Маннергейму, закрепленное на государственном уровне через памятные даты и официальные церемонии.

В России же отношение к К. Г. Маннергейму остается противоречивым. Его связь с Российской империей и служба в русской армии вызывают интерес среди специалистов, но в

массовом сознании он прежде всего ассоциируется с финской оккупацией Карелии и блокадой Ленинграда. В советской политике памяти его личность была вытеснена, уступив место мифологизированному образу «линии Маннергейма» как символа сопротивления, сломленного Красной армией, что во многом наследует российская политика памяти. Однако в последние годы произошло заметное изменение в восприятии образа маршала в российской политике памяти. Если ранее акцент делался преимущественно на военных действиях против Финляндии и прорыве «линии Маннергейма», то теперь внимание стало смещаться на региональную специфику, особенно в контексте финской оккупации. К скорому празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне стала акцентироваться трагедия жителей Карелии, пострадавших в финских концлагерях, а также роль Финляндии в блокаде Ленинграда.

Сдвиг в исторической политике демонстрирует постепенное расширение фокуса мемориализации, где помимо военных побед поднимаются темы оккупации и преступлений против мирного населения, ведутся отдельные попытки по проработке «трудного прошлого». Также в современной России наблюдается тенденция к усилению регионального аспекта в политике памяти, что обусловлено историко-географическими особенностями отдельных территорий, пострадавших в годы советско-финских войн и Великой Отечественной Войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, Д. А. Политика памяти в глобальном мире: предпосылки социально-философского исследования / Д. А. Аникин // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки – 2011. – Вып. 153. – № 1. – С. 15-21.
2. Антощенко, А. В. Монументальная меморизация событий Второй мировой войны в Карелии / А. В. Антощенко // Техногос. – 2019. – № 3. – С. 61-72.
3. Барышников, В. Н. Маннергейм и Советский Союз / В. Н. Барышников – М.: Издательство «Кучково поле», 2021. – 384 с.: 56 л. ил. – (Реальная политика).
4. «Быть тихой и незаметной – привычка, привитая в концлагере...» // Официальный интернет-портал Республики Карелия URL: https://gov.karelia.ru/news/03-07-2024-byt-tikhoy-i-nezametnoy-privychka-privitaya-v-kontslagere-/?special_version=Y (дата обращения: 14.02.2025).
5. В Карелии вышла книга о судьбах бывших малолетних узников финских концлагерей // СампоТВ 360° URL: <https://sampotv360.ru/2023/07/03/v-karelii-vyshla-kniga-o-sudbah-byvshih-maloletnih-uznikov-finskih-konczlagerej/> (дата обращения: 14.02.2025).
6. В Карелии признали преступления финских оккупантов геноцидом советского народа // TACC URL: <https://tass.ru/proisshestviya/21504233> (дата обращения: 13.02.2025).
7. Витухновская-Кауппала, М. В поисках национального примирения: память о гражданской войне в Финляндии / М. Витухновская-Кауппала // Нева. – 2022. – № 5. – С. 156-178.
8. Исследование: отношение россиян к Финляндии является противоречивым, но по сравнению с результатами прошлого года их точка зрения существенно не изменилась // Finland Abroad URL: <https://finlandabroad.fi>
9. К 80-летию начала блокады Ленинграда в пресс-центре МИА «Россия сегодня» обсудили роль маршала Маннергейма // ИНВИССИН URL: https://www.invissin.ru/news/k_80_letiyu_nachala_blokady_leningrada_obsudili_rol_marshalla_mannergeyma/ (дата обращения: 14.02.2025).

10. Курилла, И. И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю / И. И. Курилла. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 232 с.
11. Мартыненко, М. А. К. Г. Маннергейм в исторической памяти советского общества: «историографический канон» и кризис репрезентации / М. А. Мартыненко // Тульская историческая весна - 2020: кризисы в истории обществ: разрушительное и созидательное : Материалы всероссийской научной конференции молодых учёных, посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Тула, 19 марта 2020 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого". – Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 2020. – С. 222-228.
12. Мейнандер, Х. Густав Маннергейм: Аристократ в суконном мундире / Пер. со шв. К. Мурадян. – М.: Весь Мир, 2020. – 321 с.
13. Мемориал жертвам концлагерей // Государственное казенное учреждение Республики Карелия «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия» URL: <https://monuments.karelia.ru> (дата обращения: 14.02.2025).
14. Мемориальный комплекс «Крест Скорби // Государственное казенное учреждение Республики Карелия «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия URL: <https://monuments.karelia.ru> (дата обращения: 14.02.2025).
15. Музей Маннергейма //Mannerheim-museo URL: <https://www.mannerheim-museo.fi/ru/muzej/> (дата обращения: 13.02.2025).
16. Нора, П. Проблематика мест памяти. Франция-память / Пер. с фр.: Д. Хапаева. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.
17. Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко; РАН. ИНИОН, Отд. полит. науки; Центр по изучению культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – 471 с.
18. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.; ил.
19. Сафронова, Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие / Ю. А. Сафронова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 224 с. – доп. тираж 2022.
20. Трагедия Карелии: роль финских оккупантов и маршала Маннергейма // Financial one URL: <https://fomag.ru/news/tragedy/> (дата обращения: 13.02.2025).
21. Чекмазов, А. И., Узюмова, А. В. Роль государственных и негосударственных акторов в политике памяти: сравнительный анализ Финляндии и Испании / А. И. Чекмазов, А. В. Узюмова // Вестник Поволжского института управления. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 45-52.
22. Черняев, В. Ю. 150 лет Маннергейму / В. Ю. Черняев // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 1(17). – С. 298-310.
23. Anssi Halmesvirta (Ed.): Cultic Revelations. Studies in Modern Historical Cult Personalities and Phenomena // Spectrum Hungarologicum, Jyväskylä–Pécs: University of Jyväskylä, 2010, Vol. 4., pp. 41-52.

24. Equestrian statue of Marchal Mannerheim // HAM URL: <https://www.hamhelsinki.fi/en/sculptures/equestrian-statue-of-marchal-mannerheim/> (дата обращения: 13.02.2025).
25. General Mannerheim and Polish-Finnish Relations. A research conference // Lazienki-Krolewskie URL: <https://www.lazienki-krolewskie.pl/en/aktualnosci/general-mannerheim-i-relacje-polsko-finskie-konferencja-nauk?strona=3> (дата обращения: 13.02.2025).
26. Hyvä Joulumieli -keräys on käynnistynyt // Hyvä Joulumieli URL: <https://hyvajoulumieli.fi/hyva-joulumieli-kerays-on-kaynnistynyt/> (дата обращения: 13.02.2025).
27. Itsenäisyyspäivä 6.12.2024 // Akateemisen Karjala-Seuran Perinneyhdistys ry URL: <https://www.aksperinne.fi/uutiset/itsenaisyyspaiva-6-12-2024/> (дата обращения: 13.02.2025).
28. Laine, Silja & Hautamäki, Ranja Monumenttien muuttuvat maisemat – Mannerheimin patsaat Tampereella, Seinäjoella, Mikkeliissä, Lahdessa ja Helsingissä (Shifting Landscapes of Monuments – Statues of Mannerheim in Tampere, Seinäjoki, Mikkeli, Lahti and Helsinki) // Terra: Maantieteellinen aikakauskirja, Geographical Journal, 132: 1, 2020, pp. 17-30.
29. Mannerheim Jörn Donnerin kertomana on viisiosainen // Seura URL: <https://seura.fi/tv/mannerheim-jorn-donnerin-kertomana-on-viisiosainen/> (дата обращения: 13.02.2025).
30. Marsalkka Mannerheimin muisto hallitsee tätä suomalaista pikkukaupunkia aina vain vahvemmin // apu360 URL: <https://www.apu.fi/artikkelit/mikkeli-marsalkka-mannerheimin-muisto-hallitsee-yha-vahvemmin> (дата обращения: 13.02.2025).
31. Pesonen, Leo A.; Terho, Olavi; Nimistötoimikunta: Helsingin kadunnimet, Helsingin kaupunki, 1981.
32. Säätiö Suomen Marsalkka Mannerheimin perinnesäätiö // Suomen Marsalkka Mannerheimin perinnesäätiö URL: <https://mannerheiminperinnesaatio.fi/saatio/> (дата обращения: 13.02.2025).
33. Seitsonen, O., Mullins, P. R., & Ylimaunu, T. Public memory, National Heritage, and memorialization of the 1918 Finnish Civil War. // World Archaeology, № 51(5), 2019, pp. 741-758.
34. Tepora, T. The Image of Marshal Mannerheim, Moral Panic, and the Refashioning of the Nation in the 1990s. // Palgrave Macmillan, Cham. Palgrave Studies in the History of Experience. In: Kivimäki, V., Suodenjoki, S., Vahtikari, T. (eds) Lived Nation as the History of Experiences and Emotions in Finland, 1800-2000. 2021.
35. Vasemmiston ja nationalismin suhteen ongelmia // Peruste URL: <https://perustelehti.fi/vasemmiston-ja-nationalismin-suhteen-ongelmia/> (дата обращения: 13.02.2025).
36. Ylimaunu, T., Mullins, P.R. & Aalto, S. Place, Memory, and the Landscape of Finnish Civil War Reconciliation // Hist Arch 58(3), 2024, pp. 435-453.

Shelyakin Alexey Azizovich

Federal State Budgetary Educational Institution "The State University of Management ", Moscow
E-mail: shelyakin_alexey@mail.ru

The Image of Marshal K. G. Mannerheim in the Politics of Finnish and Russian Memory: comparative analysis

Abstract: the article is devoted to the image of Marshal K. G. Mannerheim in the politics of Finnish and Russian memory. The methodological basis of the research is the concept of "places of memory" by P. Nora, according to which historical memory is constructed and fixed through material and symbolic forms, including monuments, museums and state rituals. The main part examines various forms of perpetuating the memory of K. G. Mannerheim, including monuments, plaques and state ceremonies, as well as resistance to these initiatives from various public groups. The author also analyzes the perception of K. G. Mannerheim in both countries: in Finland, the figure of the marshal, despite the heroic myth and sacralization at the state level, causes controversy among the left and progressive public, as well as relatives of those who died during the Civil War in Finland in 1918; in Russia, the attitude towards the role of K.G. Mannerheim goes back directly to the traditions of the Soviet memory policies that persist to this day. Special attention is paid to the role of civic initiatives in countering K. G.'s memorialization. Mannerheim, as well as alternative forms of memory, such as monuments to the victims of the Finnish occupation in Russia. Current trends in memorial practice in both countries indicate the emergence of counter-memory actors. In Russia, due to its historical and geographical specifics, the regional aspect of memory politics is strengthening, which is reflected in the expansion of the narrative beyond military victories and in the emphasis on exploring the "difficult past" associated with the occupation and its consequences.

Keywords: politics of memory; Mannerheim; Finland; Russia; historical politics; memorialization